

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И ПРОБЛЕМЫ МНОГОЯЗЫЧНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ****Hayitova Nadejda Davlatovna**

Teacher of Bukhara University of Innovations, Bukhara, Uzbekistan.

email: hayitnadya@gmail.com<https://doi.org/10.5281/zenodo.20244531>

Abstract. Uzbekistan represents a unique sociolinguistic region where centuries-old linguistic diversity—Turkic, Iranian, Slavic, and other languages—intersects with the contemporary processes of state building, educational reform, and globalization. This article examines the republic's current linguistic landscape and the principal challenges of multilingual intersection of official language policy, everyday speech habits, and the social attitudes of native speakers.

The objective of this study is to perform a comprehensive examination of the functional roles of languages in public, professional, and everyday discourses within Uzbekistan, alongside identifying associated communicative discrepancies.

The results indicate that, despite Uzbek being the sole official language, communicative practices among the population remain highly multilingual. Russian retains high prestige in science, business, and urban settings; English is widely used in education and technology; while Tajik, Kazakh, Karakalpak, and other languages are employed in regional and ethnic communities.

Key words: language picture; multilingualism; Uzbek language; Russian language; language landscape; sociolinguistics; communication barriers;

Аннотация. Узбекистан — уникальный социолингвистический регион, где многовековое языковое разнообразие (тюркские, иранские, славянские и другие языки) сплетается с современными процессами государственного строительства, реформы образования и глобализации. Статья анализирует текущую языковую ситуацию в республике и основные вызовы многоязычной коммуникации, возникающие на пересечении официальной языковой политики, повседневной речевой практики и социальных установок носителей языков.

Цель работы – провести сложный анализ функционального распределения языков в публичном, профессиональном и бытовом дискурсе Узбекистана, а также выявить коммуникативные противоречия.

Результаты показывают: несмотря на статус узбекского как единственного государственного языка, коммуникативная практика населения сохраняет выраженную многоязычность. Русский язык удерживает высокий престиж в науке, бизнесе и городской жизни; английский активно осваивает образование и технологии; таджикский, казахский, каракалпакский и другие языки функционируют в регионально-этнических сообществах.

Ключевые слова: языковая картина; многоязычие; узбекский язык; русский язык; языковой ландшафт; социолингвистика; коммуникативные барьеры.

ВВЕДЕНИЕ

Языковая ситуация в Узбекистане — живой документ истории, в котором, подобно слоям археологического разреза, накапливались следы доисламских тюркских миграций, средневековой персидско-таджикской учёности, российской колонизации.

Каждый из этих периодов оставил лингвистические напластования, определяющие и сегодня, как узбекистанцы общаются, мыслят, учатся и само идентифицируются.

Изучение этих слоёв - не просто академическая архивистика, а насущная необходимость для понимания социальных, образовательных и политических процессов в республике XXI века.

Узбекский язык существенно расширил своё присутствие в государственном управлении, системе образования и публичном дискурсе. Русский язык сохраняет значительный функциональный вес - особое его место в науке, высшей школе, деловой коммуникации и городской бытовой среде крупных городов. Английский язык тем временем стремительно продвигается в сферах образования, технологий и международных деловых контактов, формируя принципиально новый вектор языковой динамики республики.

Особо следует отметить роль региональной и этнической составляющих в языковой картине мира. Узбекистан - страна с разнообразным этническим составом, в которой наряду с узбеками проживают таджики, казахи, каракалпаки, русские, киргизы, туркмены, татары, корейцы, уйгуры и представители прочих народов. Языки этих этнических групп формируют густую сеть функциональных ниш, региональных зон контакта и межэтнических коммуникативных практик, недостаточно охватываемых официальной монолингвальной концепцией государственного языка.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Языковая ситуация в Узбекистане многогранна, поэтому для её изучения применены несколько взаимодополняющих методов. Они охватывают как структурные аспекты языковой политики, так и коммуникативную практику различных социальных групп.

Основным инструментом количественного исследования стал разработанный социолингвистический опросник из 56 пунктов, который включает следующие тематические блоки: языковой портрет респондента; функциональное распределение языков по сферам коммуникации; языковые установки и ценностные ориентации; самооценка языковой компетентности; восприятие государственной языковой политики.

Анализ лингвистического ландшафта (linguistic landscape analysis) (Landry & Bourhis, 1997; Gorter, 2006) применялся для фиксации языковой среды публичных пространств в четырёх городах. В роли единиц наблюдения выступали индивидуальные знаки общественных мест - вывески, объявления, дорожные указатели, рекламные щиты, надписи на государственных учреждениях, собранные путём систематических обходов по заранее заданным маршрутам в каждом городе.

Корпус нормативно-правовых актов, регулировавших языковую политику Узбекистана в период с 1989 по 2024 год, был проанализирован методом законодательного дискурс-анализа с акцентом на эволюцию правового статуса языков, провозглашенные приоритеты языкового планирования и механизмы осуществления языковой политики.

Для характеристики идеологического аспекта языковой картины был выполнен критический дискурс-анализ 214 медийных текстов 2020-2024 годов, посвящённых вопросам языка, идентичности и образования. Тексты отбирались, по ключевым словам, и распределялись по типу СМИ и периоду публикации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Узбекский язык служит основным средством домашнего общения для респондентов и объявляется их главным рабочим языком. Однако в сфере деловой переписки и профессиональной документации русский язык сохраняет устойчивую функциональную роль, несмотря на отсутствие официального статуса. Он остаётся языком межнационального общения между представителями различных этнических групп. В сфере высшего образования русский язык обладает особенно значительным функциональным весом. Английский язык переживает быстрый рост своей роли, особенно заметный среди городской молодёжи и в профессиональных сообществах, связанных с IT (информационные технологии), международным бизнесом и наукой.

Таджикский язык сохраняет заметное присутствие в Самарканде и Бухаре, где исторически сформировался обширный таджикоязычный регион. Каракалпакский язык, имеющий статус официального в Республике Каракалпакстан, демонстрирует высокую функциональную активность в нукуском регионе, хотя и уступает узбекскому в образовании и государственном управлении.

Анализ данных опроса и медийного корпуса выявил четыре категории коммуникативных проблем, систематически воспроизводящихся в многоязычном пространстве Узбекистана.

Первый класс — барьеры административного дискурса. Несмотря на официальное введение узбекского языка в делопроизводство, многие нормативные и технические документы продолжают использовать русскоязычные кальки и конструкции, которые остаются непонятными для носителей узбекского языка без опыта работы с русскими текстами.

Второй тип — барьеры в образовательной системе. Несоответствие языков обучения на разных уровнях образования порождает серьёзные препятствия для академической мобильности. Школьники, получившие среднее образование на узбекском, часто испытывают дефицит учебников на родном языке в вузах; выпускники русскоязычных школ затрудняются на госэкзаменах; студенты на англоязычных программах вынуждены совмещать освоение дисциплины с преодолением языкового барьера при отсутствии надлежащей методической поддержки.

Третий тип — конфликты идентичности и языкового престижа. Анализ медийного дискурса выявил устойчивые нарративы, противопоставляющие «подлинно узбекскую» идентичность использованию русского языка, с одной стороны, и «космополитичную современность» английского языка — традиционным ценностям, с другой стороны. Эти нарративы оказывают символическое давление на носителей, предпочитающих иные языковые варианты, и способны вызывать языковой стыд. (Pavlenko, 2006).

Четвёртая категория — коммуникативные барьеры в межрегиональном общении.

Разнообразие доминирующих языков в различных регионах республики порождает значительные трудности в горизонтальной административной коммуникации, судопроизводстве, медицинском обслуживании и образовательных контактах. Эта проблема особенно актуальна в приграничных районах между узбекским, таджикским и каракалпакским языковыми пространствами.

ОБСУЖДЕНИЕ

Данные свидетельствуют, что Узбекистан представляет собой яркую модель постсоветского многоязычного перехода — трансформации исторически сложившегося языкового строя под совместным влиянием националистической языковой политики,

глобализации и технологических перемен. Теоретически этот процесс укладывается в концепцию языкового сдвига по Фишману (1991), но узбекский пример выходит за пределы классических схем: сдвиг реализуется не через замену доминирующего языка, а посредством перераспределения функциональных ролей между тремя и более языками.

Результаты анализа языкового ландшафта подтверждают классический аргумент Шохами и Гортера (2009): публичное пространство служит точным отражением реальных, а не декларируемых языковых иерархий. Доминирование русского и английского в коммерческом секторе городского ландшафта при их почти полном отсутствии в государственном - это не нарушение закона, а проявление рационального коммуникативного выбора актов, учитывающих реальный состав аудитории.

Отличия языковых ландшафтов Ташкента, Самарканда и Нукуса ярко свидетельствуют: Узбекистан - это не монолитное лингвистическое пространство, а мозаика перекрывающихся языковых ареалов, каждый со своей коммуникативной логикой.

Это наблюдение принципиально значимо для языкового планирования.

Феномен «множественные языковые лояльности» — ситуацию, при которой индивид практикует различные языки в разных социальных контекстах, не испытывая экзистенциального дискомфорта. Данный феномен хорошо описан применительно к другим многоязычным обществам (Canagarajah, 2013; Pavlenko & Blackledge, 2004).

Из этого наблюдения вытекает практический вывод: языковая политика, опирающаяся на «чистую» моноязычную идентичность, неизбежно конфликтует с реальным коммуникативным опытом значительной части населения. Более перспективным выглядит политика «управляемого многоязычия», которая признаёт легитимность сложных языковых идентичностей и формирует институциональные условия для их полноценного развития.

Стремительное распространение английского языка в образовательной среде Узбекистана образует принципиально новый элемент языковой динамики, лишённый прямых прецедентов. В отличие от русского языка, английский завоёвывает позиции в основном за счёт механизмов добровольного выбора, продиктованного соображениями профессиональной мобильности и доступа к глобальным информационным ресурсам.

Эта тенденция формирует сложную трёхполюсную структуру языкового пространства, где узбекский язык выступает государственным и этнокультурным, русский сохраняет роль регионального *lingua franca* и языка накопленного интеллектуального наследия, а английский приобретает статус языка глобальной коммуникации и технологического прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковой ландшафт Узбекистана в третьем десятилетии XXI века отражает живое, динамичное многоязычие, которое официальная монологичная доктрина описывает лишь отчасти. Узбекский, русский, английский, таджикский, каракалпакский и иные языки занимают различные функциональные ниши, региональные зоны и социальные слои исходя из реальных коммуникативных потребностей, а не нормативными требованиями.

Проведённое исследование даёт возможность сформулировать комплекс обоснованных рекомендаций.

Для системы образования: разработка последовательной многоуровневой политики языков обучения, гарантирующей преемственность между образовательными ступенями и доступ к качественным учебным материалам на узбекском языке на всех уровнях. Для гражданского общества и СМИ: развитие культуры лингвистической толерантности.

Узбекистан наделён уникальным социолингвистическим богатством - тысячелетней традицией языкового взаимодействия тюркских, иранских и других языковых семей.

Грамотное управление этим богатством в эпоху глобализации и цифровизации - задача не только лингвистическая, но и политическая, культурная, экономическая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Canagarajah, S. (2013). *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. Routledge.
2. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. Routledge.
3. Fierman, W. (2012). Russian in post-Soviet Central Asia: A comparison with the states of the Baltic and South Caucasus. *Europe-Asia Studies*, 64(6), 1077–1100.
4. Fishman, J. A. (1991). *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. *Multilingual Matters*.
5. Gorter, D. (Ed.). (2006). *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. *Multilingual Matters*.
6. Landry, R., & Bourhis, R. Y. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 16(1), 23–49.
7. Павленко, А. (2006). Русский язык как lingua franca? Русский язык за рубежом, 2, 72–83.
8. Pavlenko, A., & Blackledge, A. (Eds.). (2004). *Negotiation of Identities in Multilingual Contexts*. *Multilingual Matters*.
9. Smagulova, J. (2018). Language policies of kazakhisation and their influence on language attitudes and use. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 11(3), 440–475.
10. Shohamy, E., & Gorter, D. (Eds.). (2009). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. Routledge.
11. Schlyter, B. N. (2005). Sociolinguistic changes in transformed Central Asian societies. In B. N. Schlyter (Ed.), *Prospects for Democracy in Central Asia* (pp. 157–187). Swedish Research Institute in Istanbul.
12. Юсупова, З. Д. (2020). Языковая политика в Узбекистане: история и современность. *Вопросы языкознания*, 3, 45–62.
13. Закон Республики Узбекистан «О государственном языке». (1989, с изменениями 1995, 2004, 2021). Национальная база данных законодательства Узбекистана.
14. Suleimenova, E. D. (2011). Language policies in post-Soviet space. In E. Hinkel (Ed.), *Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning* (Vol. 2, pp. 890–905). Routledge.
15. Hornberger, N. H., & Johnson, D. C. (2007). Slicing the onion ethnographically: Layers and spaces in multilingual language education policy and practice. *TESOL Quarterly*, 41(3), 509–532.

16. Extra, G., & Gorter, D. (Eds.). (2008). Multilingual Europe: Facts and Policies. De Gruyter Mouton.
17. Алпатов, В. М. (2000). 150 языков и политика: 1917–2000. Ин-т востоковедения РАН.
18. Davlatovna H. N. IMPROVING ENGLISH LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY IN A MULTILINGUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: THE CASE OF UZBEK-RUSSIAN-ENGLISH //PEDAGOGIK ISLOHOTLAR VA ULARNING YECHIMLARI. – 2025. – Т. 17. – №. 02. – С. 1103-1105.